

МОДАЛЬНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ В НЛП

Человек воспринимает и отражает окружающий мир посредством своих органов чувств. Процесс и механизм такого восприятия в НЛП носит название **модальности**. Существует также такое понятие, как репрезентативная система. Это сенсорный канал (слуховой, зрительный и т. д.), по которому в мозг поступает информация из окружающей среды. Говорят о зрительной (визуальной), слуховой (аудиальной) модальности и о модальности кинестетической, основанной на обонятельных, вкусовых и телесных ощущениях. Одна из модальностей у человека доминирует, остальные являются сопутствующими.

В НЛП сформулированы представления о **ведущей репрезентативной системе** – наиболее предпочитаемом типе (модальности) восприятия. Информация, полученная в предпочитаемом типе репрезентативной системы, оценивается сознанием как основная. В экстремальных ситуациях человек склонен использовать преимущественно предпочтительную репрезентативную систему, сокращая доступ информации по другим сенсорным каналам.

* * *

«Глубокое понимание того, как люди мыслят, дает вам, как специалисту по коммуникации, несколько явных преимуществ. Способность замечать шаблоны мышления может помочь вам построить глубокие уровни раппорта, понимания, доверия и дружбы, одновременно оказывая влияние на то, как воспринимаются ваши идеи и предложения. По микро-шаблонам вы можете узнать гораздо большую часть всего передаваемого сообщения, чем по одним только словам.

Слова = 7 % Тон голоса = 38 % Физиология = 55 %
--

Исследования показали, что когда мы общаемся, только 7 процентов нашего передаваемого сообщения содержится в словах. 38 процентов содержится в тоне голоса, и 55 процентов содержится в языке тела, то есть в нейробиологическом канале. Человеческая коммуникация интерпретируется с помощью этого состоящего из трех частей сигнала, и именно бессознательное воспринимает невербальную часть сообщения, даже если ваше сознание ее пропускает. <...>

<...> Мы внутренне представляем информацию с помощью образов, ощущений, запахов и вкусов. Мы как бы представляем в своем уме то, что мы восприняли через пять чувств с внешней территории. Наши чувства – это наши каналы приема информации. <...>

<...> Наши системы восприятия влияют на наше поведение, и со временем у нас появляются предпочтения в их использовании. В западном мире основные системы представления информации – визуальная, аудиальная и кинестетическая. Обонятельная и вкусовая системы чаще используются как включатели для других систем. Запах пахнущего обеда включает ощущение голода. Оказывается, что в восточном мире запах и вкус чаще, чем на западе, используются как основные системы, хотя многим западным людям это может быть трудно понять.

<...> Люди мыслят во всех трех основных системах представления информации, и большинство людей больше всего предпочитает одну из них. Предпочитаемой является самая развитая система, та, в которой можно делать самые тонкие отличия.

Оказывается, что знатоки, которые с легкостью и совершенством демонстрируют свое мастерство, умеют делать много тонких отличий в соответствующих системах представления информации. Например, у танцоров хорошо развиты ощущения, которые помогают направлять движения. У художников хорошо развита зрительная система, а у музыкантов сильная аудиальная система.

Во всех профессиях есть люди с разными сочетаниями этих систем. Аудиальным людям «нравится, как звучит» идея, визуальный человек «видит возможности», а у кинестетического могут быть «теплые чувства» к этой идее. То, что какие-то системы используются реже предпочитаемой, часто объясняет, почему человеку трудно овладеть определенными умениями. Тому, у кого недостаточно развита аудиальная система, не так легко научиться играть на пианино, как тому, у кого аудиальная система предпочитаемая.

<...> У многих людей есть так называемая ведущая система, то есть система, используемая для доступа к прошлому опыту из памяти. Когда ведущая система доставила воспоминание в сознание, вахту принимает предпочтительная система, которая воспроизводит тонкие отличительные признаки опыта. Например, если я спрошу вас, как прошло ваше недавнее собрание, вы можете сначала вызвать картинку людей на собрании, а потом *настроиться* на обсуждение. В этом процессе, визуальная система была ведущей для предпочитаемой аудиальной системы.

<...> Полезно замечать различия в мышлении людей, и уметь определять их по определенным сигналам поведения. Цель не в том, чтобы классифицировать людей как аудиальных, визуальных и кинестетических; это не особенно полезно – суть в том, чтобы замечать, как человек мыслит в данный момент времени. Для этого у нас более чем достаточно сигналов, которые можно получить из основанной на восприятии речи, из движений глаз, сигналов из видов дыхания, из жестов, и из особенностей голоса. <...>

<...> Разговор с самим собой – это еще один способ мышления. Люди, у которых больше всего развит этот тип мышления, часто кажутся отстраненными от разговора, потому что им нужен внутренний разговор с собой для принятия решений. На такой процесс принятия решений требуется очень много времени по сравнению с визуальной системой, в которой решения принимаются со скоростью мелькания сравнительных картинок в уме. <...>

<...> Когда вы начнете замечать, как люди мыслят, помните – нет правильных и неправильных способов мышления. Если кто-то по-видимому не способен мыслить визуально, это тот способ, которым он научился действовать в окружающем мире. Интерпретируя ключи к способам мышления, мы можем значительно улучшить продуктивность общения. <...> (Молден Д. Психотехнология НЛП... М., 2000. – С. 131 – 145).

* * *

Существует зависимость между доминирующей модальностью, в которой человек воспринимает мир, и словами, которыми он это восприятие выражает. В НЛП это называется **предикатами речи**. Человек, у которого доминирует зрительное восприятие, будет рассказывать о себе и о волнующих его проблемах, часто используя такие слова, как *видеть, смотреть, рисовать, яркий, туманный, тусклый, отчетливо, ясно, перспектива, свет* и т. д. Аудиальные предикаты: *слышать, звучать, скрипеть, кричать, оглушать, мелодичный, звонкий, громкий* и т. д. Кинестетические предикаты: *шершавый, твердый, мягкий, вкусный,*

несвежий, терять, трогать, пустота, тяжесть и т. п. Предикаты запаха и вкуса: *вкусный, ароматный, пресный, сладкий, горький, кислый, вонючий, запах, аромат* и т. д. Предикаты формируются у человека на бессознательном уровне и являются теми ключами, которые дают доступ к бессознательному клиенту, к его внутренним психическим процессам.

Сенсорные предпочтения (репрезентативные системы) являются индивидуальным свойством личности, причем под индивидуальным свойством личности понимается “некая постоянная закономерность разнообразных его проявлений. При таком понимании разные люди, а иногда один и тот же человек может обладать весьма многообразными свойствами. Но если в них тем не менее выражается одна и та же общая закономерность, она и выступает в качестве признака, по которому мы сравниваем разных людей” (39, 40).

Нейропсихологические основы индивидуальных различий восприятия и представления в обобщенном виде можно свести к следующему:

Признается наличие “ведущей афферентации” в сенсорной организации, которая определяется наиболее развитой сенсорной модальностью. Таким образом, представляется возможным предположить наличие индивидуально-топологических различий в использовании сенсорных каналов при взаимодействии с окружающим миром.

Можно говорить о существовании индивидуальных сенсорных предпочтений не только на уровне ощущений, но и на уровне первичных и вторичных образов: восприятий и представлений. Сенсорные предпочтения выражаются в избирательности индивида по отношению к формируемым образам окружающей действительности. Вследствие этого происходит индивидуальная сигнификация жизненного опыта, в том числе опыта взаимодействия с другими людьми. Таким образом, правомерно говорить о возможности существования такого индивидуального свойства личности, как сенсорные предпочтения на образном уровне или, иначе говоря, о существовании репрезентативных систем личности.

Основными модальностями, составляющими ядро сенсорной организации человека, являются зрительно-аудио-кинестетическая система вместе с оптико-вестибулярной установкой. Доминирующее положение в этой организации занимает зрение. Слуховая рецепция и важнейшая ее составляющая – речевой слух. Речевой слух представляет собой новую форму слуховой перцепции, порожденную языком как основным средством общения. К ядру сенсорной организации человека примыкают тактильная рецепция всей кожи человеческого тела; температурная и болевая рецепция, а также обоняние и вкусовая рецепция.

Индивидуальные отличия и особенности сенсорной организации возникают не сразу, с рождением, а формируются в процессе онтогенетического развития.

Необходимым условием развития и формирования индивидуальных топологических различий восприятия и представления является накопление жизненного опыта, понимаемого как опыт отношения к миру (39, 41).

Итак, есть предпочтительная система, то есть система, в которой человек предпочитает общаться, получать информацию и т. д. Выделяют также ведущую и референтную репрезентативную систему. С помощью ведущей РС человек ищет информацию, корректирует поступающую, принимает решения. Она находится за пределами осознания. Соответствует карте реальности. Определяется по глазным сигналам доступа. Присоединение к этой системе позволяет напрямую взаимодействовать с бессознательным человека, причем это не отслеживается. Референтная РС выступает в качестве оценочной, проверочной. Это та система, где человек проверяет полученную информацию, соотносит ее с внутренним опытом, с собственными ценностями и убеждениями. Если что-то в полученной информации не совпадает с внутренней идеологией, человек выделяет эту ошибку на уровне РРС. Иногда возможно простое отторжение и неприятие информации (25).

Терапевту необходимо уметь отслеживать характерные предикаты, которые использует клиент в своей речи, иначе может произойти несовпадение репрезентативных систем. Возьмем хрестоматийный пример гипотетической ситуации, когда муж и жена приходят на прием к терапевту:

- (жена) Все это не очень убедительно *звучит*. Что-то *говорит* мне, что нам нет смысла продолжать жить вместе. Мне много чего уже пришлось *выслушать* на этот счет, родственники такой *шум* подняли. В общем, я даже не знаю, что еще *сказать*.

- (муж) А я *чувствую*, что еще не все *потеряно*. Конечно, наши отношения порядком *подрасшатались*, но мы могли бы их *укрепить*, *построить* как-то иначе. Надо немного поработать над этим, и тогда все *сгладится*, но жена не хочет *идти* мне навстречу.

Как видно, эти люди говорят о разных аспектах одного и того же опыта. Он говорит о том, что *чувствует*, она употребляет аудиальные предикаты. Его слова имеют непосредственное отношение к конструированию внутренних ощущений, ее слова предполагают наличие некоего внутреннего голоса, аудиальных внутренних структур. Оба клиента описывают внутреннее порождение переживаний относительно состояния их брака. При этом каждый осознает его по-разному и говорит об ином аспекте переживаний, нежели партнер: она об аудиальном аспекте, он о кинестетическом. Муж и жена по-разному организуют и выражают свое восприятие. Эта разница значима, поскольку она в большой степени создает непонимание между ними при коммуникации.

Языковые паттерны – важная часть поведенческой информации, которая раскрывает структуру текущего внутреннего состояния. Каждое специфическое процессуальное слово – визуальное, аудиальное,

кинестетическое – указывает, какой внутренний опыт говорящего представлен в этой сенсорной системе, и для успешной коммуникации необходимо отражать данную сенсорную систему в своей речи.

Таким образом, люди воспринимают реальность с помощью органов чувств, так что в основе нашего представления о мире лежит сенсорная информация. Точнее, сенсорная и сенсомоторная, ибо даже младенцы способны соотносить свои ощущения с непрерывно совершаемыми движениями. Ощущения постепенно объединяются в образы, образы связываются между собой в целостные представления об отдельных фрагментах окружающей действительности. Так в сознании возникает модель мира, с помощью которой человек понимает его устройство и живет в нем. В этой модели, помимо образов, звуков, ощущений и чувств, определяемых фактами, есть также логические образы фактов – знания и мысли. В сущности, модель мира – это сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о реальности в рамках конкретной лингвокультурной общности (18, 120). Поэтому для НЛП остается важным описание репрезентативных систем, соответствующих основным сенсорным каналам, и их языкового выражения с учетом национальной языковой специфики. Особенности модели мира задаются также спецификой национального менталитета и социокультурными ограничениями.

* * *

«Менталитет людей в нашей стране отличается значительным своеобразием.

Обратимся к работам психологов, которые пишут о философском характере русского склада ума, настроенного не на рефлексию, а на **верование**. Эта вера основывалась на развитом воображении, мифологичности, сказочности русского сознания. Именно вера в идеал позволяла человеку вырваться за пределы обыденности, вынести всю тяжесть реальности. Эту веру нельзя было назвать оптимистической, но она стала основой особой черты исторического русского характера – долготерпения.

Коммунистическая эпоха принесла не только прямое насилие, но превращение лжи в социальный институт, причем лжи, искусно привитой на веру в идеал. Это разрушило естественную цельность индивидуального сознания, его способность к адекватному отражению реальности.

Бог явил миру Христа как образец страдания, как образец состояния души и духа страдающего и показал Воскресение как исход этого страдания через постижение человечности. Так Бог учил людей страданию, приблизив идеал к человеку и показав путь от человека к идеалу.

Но не все противоречия приводят к страданию и возвышению духа. Другой формой их воспроизведения является ожесточение и опустошение, зло, овладевающее пустой душой, не способной страдать.

Специфика российской ментальности, состоящая в цементирующей роли морального начала, которое было всегда присуще русскому обществу и составляло его цельность, – соборности, разрушается дифференциацией разных слоев. Фактически целое состоит из большинства социально неадаптированных слоев, для которых задачи выживания сводятся только к сохранению жизни и здоровья; для интеллигенции еще возможности профессиональной работы, что не приводит к развитию социального мышления и расширению социальной жизни.

Только сознание себя в роли субъекта, только преодоление «рабского», доставшегося от тоталитаризма, способно вернуть жизненную активность и уверенность огромному количеству людей. Их жизненно-практическую позицию нельзя изменить даже повышением материального благосостояния (что и нереально). Она может быть изменена только у тех и только в той мере, в которой может быть позитивно настроено, расширено их сознание. Этот путь, в принципе отвергнутый марксизмом, провозгласившим примат бытия над сознанием, является еще не исчерпанным **источником возрождения русского духа**.

Психолог И.А. Джидарьян... пишет, что на протяжении тысячелетней истории православная идеология настолько органично переплелась с традициями, верованиями, умонастроением и мировосприятием народа, что дает основание говорить многим авторам не просто о русском, а о **русско-православном менталитете**. Счастье воспринимается не само по себе, не как отдельный и самодостаточный факт или сторона жизни, а в соотношении и через призму своих противоположностей – страдания и несчастья. Более того, все возможные радостно-счастливые состояния земной человеческой жизни как бы отодвигаются на вторые позиции, уступая первенство несчастью и связанным с ним переживаниям. Именно такие причинно-следственные отношения между счастьем и несчастьем просматриваются в большинстве русских народных пословиц и поговорок. Например: «Горя бояться – счастья не видать», «Не было бы счастья, да несчастье помогло», «Кто нужды не видал, тот и счастья не знал», «Где горе, там и радость» и др.

В контексте нашей темы важным представляется сам факт того, что объективно складывавшиеся для русского народа на протяжении столетий условия существования – исторические, территориально-географические, природные, хозяйственно-экономические и др. – не давали ему никаких оснований для довольства и безбедной жизни. Они лишь способствовали формированию таких особенностей характера, системы ценностей и мироощущения, которые определяли его понимание и восприятия счастья – несчастья.

В частности, в свете этого факта объяснимо и то, почему «земля Русская» оказалась столь благодатной для восприятия и укоренения христианской идеологии, для которой центр тяжести в земном существовании человека представляется смещенным в сторону несчастья и, по образному выражению В. Татаркевича, является скорее «долиной плача», чем «садом радости»...

В свою очередь в русском православии усиливается внимание к духовно-нравственным основаниям этого сдвига. Развивается и обогащается христианская идея связи души и страдания: страдание наполняется глубоким духовным смыслом, начинает олицетворять подлинность человеческого бытия, истинность человеческой личности. И на протяжении веков разными путями и в разных формах развивается и укрепляется одна из основополагающих для русского сознания формул, которую гениально просто выразили по отношению к себе наши самые великие поэты – А.С. Пушкин: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»; М.Ю. Лермонтов: «Я жить хочу! Хочу печали любви и счастья назло».

В системе жизненных ценностей русского народа **страданию** придается благостный, нравственно очищающий и духовно-возвышающий смысл: им определяется общая душевная отзывчивость человека.

Обостренное и повышенное внимание к печальным сторонам жизни в сознании и мировосприятии русского народа определили в свою очередь и весьма скромные позиции в них счастья и его составляющих. Счастье чаще всего воспринимается как мечта, как идеал – «счастья искали, счастья не нашли» (К. Бальмонт) или, в лучшем случае, как отдельные мгновения и быстротечные эпизоды жизни – «радость короткая» (С. Есенин), которые трудно и невозможно удержать. Сознание как бы противится иллюзорности и мимолетности состояний мирского благополучия и переживаний радости. «Счастьем не

верь, а беды не пугайся» – по-житейски мудро и по-доброму наставляет русская пословица.

К числу наиболее удивительных особенностей русского менталитета, которая отразилась и в представлении русских людей о счастье, относится, как известно, способность объединять противоположное, взаимоисключающее, «устремленность к крайнему и предельному» (Н. Бердяев), когда «бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством».

<...> Итак, психологи выделяют типичные, сложившиеся в течение веков характеристики российского менталитета в форме утверждений и диад преобладания одного над другим. К утверждениям относится развитое воображение, мифологичность и сказочность российского сознания. Здесь можно добавить – еще и мышления. Это приводит к поискам идеала и к вере в идеал, к долготерпению, к способности долго переносить плохие условия жизни. Мифологичность сознания и мышления обеспечивает абстрагирование от внешнего мира. А развитость воображения усиливает возможности жить в воображаемом пространстве. Это создает все предпосылки для долготерпения. И, как будет сказано ниже, это создает совершенно особые условия для технологического сознания и мышления.

Люди с российским менталитетом часто обладают повышенными творческими способностями. Поэтому мы можем быть отличными творцами идей. А вот воплощение технологий, требующее конкретного, четкого мышления, отработки всех деталей, ежедневного кропотливого труда, – это часто не наша стихия. Поэтому развитие **технологического мышления** для нас крайне важно. И, конечно же, просто необходимо расширение сознания.

Российский человек склонен к крайностям. Или все – или ничего. Или работать, отдавшись полностью делу, или бездельничать. Эта черта, возможно, связана с суровым климатом нашей страны. Достаточно короткое лето – период заготовок впрок и весьма длинная зима – период ленивого потребления заготовленного.

Для человека с российским менталитетом важнее верование, чем рефлексия. Важнее правила морали, чем установки закона. Важнее страдание, чем радость. Важнее переживание грусти, чем счастья. Важнее коллективизм, чем индивидуализм (24, 58 – 61).

* * *

Гриндер и Бендлер в “Структуре магии” пишут о различиях в моделях мира, обусловленных **системой языка**. Действительно, язык воспроизводит мир, во многом подчиняя его своей собственной организации. Индейцы, например, имеют право упрекнуть индоевропейские языки в отсутствии точности. Одной индоевропейской форме *мы* в индейских языках соответствует масса специальных личных местоимений для таких комбинаций, как: «я и ты», «я и вы», «я и вы двое», «я и он» «я и они», «мы двое и ты» и так далее. Простую фразу *Человек убил зайца* индеец из племени понка развертывает в красочное повествование: «Человек, он, один, живой, стоящий, убил намеренно, выпустив стрелу, зайца, его, одного, живого, сидящего» (Я. Парандовский).

Существуют языки, где отсутствуют роды, падежи, числа, глагольные времена и виды. В некоторых языках не проводятся различия между существительными и глаголами, есть языки, проводящие неизвестное нам различие между родами одушевленным и неодушевленным, или же один род существует для обозначения большого и могучего, а другой – для малого и

слабого. Даже в языках одной семьи можно найти массу различий. Например, в русском языке меньше глагольных времен, чем в английском, и в предложениях нет особой необходимости указывать, идет ли речь о конкретном предмете или о предмете вообще (*Желтый шкаф* и *Этот шкаф желтый*). В других языках в этом случае обязателен артикль.

В словах, в грамматических формах запечатлевает свой образ душа и менталитет данного народа. Задолго до появления какой бы то ни было «психологии» возникли и существовали слова, обозначающие душу, мысль, ощущения, смысл, желания и т. д. Еще до появления «гносеологии» в головах людей и в языке были уже слова, называющие представления, суждения, понятия, воспоминания и под.

Система языка задает то, что Э. Сепир называл инвентарем опыта. Он включает в себя набор правил для классификации сенсорных впечатлений, их выделения из целостного потока восприятия. Простейший пример – разное количество понятий для описания свойств и качеств одних и тех же фрагментов реальности. Например, в языках северных народов (эскимосов, ненцев) существует несколько сотен слов, характеризующих снеговой покров – его белизну, плотность, упругость и т. д. Языки людей, живущих в средних широтах, не нуждаются в таком количестве различий, поскольку для них этот параметр действительности не является жизненно важным. Точно так же у кочевников куда больше слов, описывающих качества скота, чем у земледельческих народов. Если культуру можно определить как то, что делает и думает данное общество, то язык – это то, как оно думает и понимает окружающий мир. В языковой модели мира отражена не просто сумма знаний, но содержится результат экстраполяции представлений на внешнюю среду, которая часто описывается антропоцентрическими понятиями (*локоть сукна, ножка стола, глава правительства*). В сущности, наши представления о реальности опосредствованы системой устойчивых метафор. Их прочтение зависит от степени приобщения индивида к культуре и от уровня его владения языком (18, 121 – 122).

Как уже говорилось выше, каждый человек создает отличную от других модель общего для всех мира и живет в несколько иной реальности. Все типы ограничений в модели мира приводят к тому, что использующий ее индивид оказывается стесненным в выборе своих действий. Его поведение зачастую напоминает неуверенные шаги слабо видящего и плохо слышащего человека в постоянно изменяющейся ситуации. Задача психотерапевта состоит в том, чтобы расширить и дополнить имеющуюся модель мира у клиента таким образом, чтобы тот увидел новые возможности выбора. Для этого необходимо четко представлять себе, как именно возникают различия между конкретным опытом и его словесным воплощением, то есть вербализацией.

Литература

1. Абрамова Г.С. Практическая психология. М., 1997.
2. Андреас К., Андреас С. Измените свое мышление – и воспользуйтесь результатами. СПб, 1994.
3. Бендлер Р. Используйте свой мозг для изменения. СПб., 1994.
4. Бэндлер Р., Гриндер Д. Из лягушек – в принцы. Воронеж, 1995.
5. Бэндлер Р., Гриндер Д. Наведение транса М., 1995.
6. Бэндлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг Воронеж 1995.
7. Бэндлер Р., Гриндер Д. Структура магии. СПб., 1996.
8. Бэндлер Р., Гриндер Д. Трансформейшн. СПб., 1995.
9. Бэндлер Р., Гриндер Д., Сатир В. Семейная терапия. Воронеж, 1993.
10. Бессер-Зигмунд К. Магические слова. СПб., 1996.
11. Гируцкий А.А., Гируцкий И.А. Основы нейролингвистики. Мн., 1998.
12. Гируцкий А.А., Гируцкий И.А. Нейролингвистическое программирование: принципы и проблемы // Вести БГПУ, 1998, № 2 – С. 41-47.
13. Гируцкий И.А. Моделирование в нейролингвистическом программировании // Слово во времени и пространстве: Сб. научных статей. Мн., 1999, с.45-47.
14. Гируцкий А.А. Нейролингвистическое программирование как одно из направлений взаимодействия психологии и лингвистики // Язык, слово, действительность: Материалы II Международной научной конференции (25 – 27 октября 2000 г.) / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. Мн., 2000. Ч. 1. – С. 63 – 65.
15. Гордон Д. Терапевтические метафоры. СПб., 1995.
16. Горин С. Нэлпер в свободном полете. Канск, 1997.
17. Дилтс Р. Стратегии гениев. М., 1998.
18. Калина Н.Ф. Основы психотерапии. “Рефл-бук”, “Ваклер”, 1997
19. Кандыба В.М. Эмоциональный гипноз как научный феномен. СПб., 1997.
20. Карелин А. Снег на листьях или психотехнология успеха. Саратов, 1994.
21. Коледа С. Моделирование бессознательного: Практика НЛП в российском контексте. М., 1999.
22. Кондрашенко В.Т., Донской Д.И. Общая психотерапия. Мн., 1998.
23. Люшер М. Сигналы личности. Воронеж, 1995.
24. Макаров В.В. Избранные лекции по психотерапии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
25. Макдональд В. Руководство по субмодальностям. Воронеж, 1995.
26. Материалы тренинга “НЛП-практик” Э.Энтус, Дж. Делозьер, П. Врица, Я. Ардуй. М., 1992.
27. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М., 1994.
28. О’Коннор Д., Сеймор Д. Введение в нейролингвистическое программирование. Челябинск, 1997.
29. Перлз Ф. Гештальт-подход и Свидетель терапии. М., 1996.

30. Пуселик Ф., Люис Б. Магия нейролингвистического программирования без тайн. СПб., 1995.
31. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
32. Спарк М. Начальные навыки эриксоновского гипноза. Воронеж, 1995.
33. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
34. Трансформация личности: нейролингвистическое программирование. Одесса, 1995.
35. Фромм Э. Человек для себя. М., 1992.
36. Хейли Дж. Необычная психотерапия. СПб., 1995.
37. Цветков Э. Танец дождя. СПб, 1997.
38. Цветков Э. Мастер самопознания, или погружение в “Я”. СПб., 1997.
39. Эйдмиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи, СПб., 1999.
40. Эриксон М., Росси Э. Человек из февраля. Гипнотерапия и развитие самосознания личности. М., 1995.
41. Юнг К. Архетип и символ. М., 1991.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ